

Сергей К. Данилов

Детство золотое

Повесть

Сергей Данилов

Детство золотое. Повесть

«Издательские решения»

Данилов С. К.

Детство золотое. Повесть / С. К. Данилов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852712-8

Один год из жизни мальчика Мити: начальные и от того особенно яркие впечатления от окружающего, первые радости и горести.

ISBN 978-5-44-852712-8

© Данилов С. К.
© Издательские решения

Содержание

1. Вот тебе, табуретка...	6
2. Кукушка с голубями и девочки с дафниями	14
3. Когда поспела смородина	24
4. Книжка про Пифа	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Детство золотое Повесть

Сергей К. Данилов

© Сергей К. Данилов, 2017

ISBN 978-5-4485-2712-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Вот тебе, табуретка...

Митя упал, стукнувшись головой о край табуретки. Сделалось больно: табуретка – большая и твердая, невесть каким образом очутилась на его пути.

«Накажи её, – посоветовали сверху, – стукни кулачком, пусть не лезет».

Он рассердился и стукнул. Теперь и руке стало больно, лицо скривилось, готовясь расплакаться.

– Вот тебе, табуретка, не будешь к нам приставать, – сказал ангел с доброй усмешкой.

– Почему он всегда головой на всё натывается? – подивился другой ангел расстроено. – Ведь чуть-чуть виском об угол не навернулся.

– Потому что у него голова большая, перевешивает, – объяснил первый, кажется, ничуть не переживая.

Табуретка исчезла с пути.

Митя побежал дальше, громко топая новыми ботиночками, ни с того ни с сего повалился вперёд головой, успел в последнее мгновение оттолкнуться носками, завис в воздухе, уже предчувствуя очередное падение, но почему-то не упал, а начал медленно подниматься вверх, выше и выше, пока не взлетел над улицей и домами, испытывая необычайную радость полета, смешанную со страхом одиночества...

И тут же очутился в узкой каморке длиною в кровать. Лампочка наверху ярко вспыхнула, гневно затрещав от высокого напряжения.

Кроме бесприютного качания света по стенам, совсем рядом происходило ещё одно, почти незаметное перемещение непонятно откуда взявшегося странного существа.

Открывшиеся глаза подтвердили, что обычный порядок утреннего пробуждения нарушает никогда прежде не виданное животное, размерами и толстенной чёрной кожей, собранной на боках в тугие складки, ужасно напоминающее гиппопотама. Ну, это ещё ничего, это не страшно: гиппопотам кушает травку. Гиппопотам не крокодил, не лев и не волк.

Затуманенный взор скользнул по огромной спине обитателя африканских болот.

Однако прежде никогда не случалось, чтобы у кровати с утра пораньше, словно на зелёной лужайке, пасся гигантский бегемот. Хотя почему, собственно, нет? В сказках, читавшихся ему каждый вечер на сон грядущий, чего только не происходит, куда много более удивительного.

Прежде, однако, его всегда будила мама.

А стоило проснуться самому, так сразу нате вам, пожалуйста – необычайное открытие. Вот, значит, какие волшебства начинаются в спальне, когда спишь и ничего не видишь! Огромный бегемот чухается на прикроватном коврик! Между прочим, он знал, что сказки – правда, а не ложь! И говорил о том всем! А ему не верили, смеялись.

Спина бегемота совсем близко, её легко можно достать протянутой рукой, только немного страшно.

Приподнявшись на локте, Митя осмелился заглянуть вниз, тотчас обнаружив у спины небольшую человеческую головку, крепившуюся совершенно без шеи, и осознал, что на домотканом прикроватном коврик ползает на четвереньках очень толстая тётенька в чёрном шерстяном платье, на затылке которой смешно уложены жиденькие косички. Ползает и шепчет: «Да куда же они подевались?».

Сверху она казалась совершенно незнакомой.

Заметив кроватное шевеление, неизвестная обратила к нему широкое плоское лицо с маленьким сморщенным носиком и еле заметными глазками среди многочисленных морщин и морщинок разной длины и направлений, разбежавшихся в улыбке, и, делая вид, что прекрасно знает Митю, тоненьким голосом, абсолютно ей не идущим, завела:

– Проснулось солнышко, проснулась ластонька, а вот и чулочки наши нашлись, одевай их, лапушка моя.

Выбросив чулки снизу на край постели, начала с трудом подниматься. Действительно, так много в ней было от тяжёлого неповоротливого бегемота, что немудрено со сна и перепутать.

Митя, напротив, очень легко и быстро сел на кровати, делая вид, что прекрасно её знает и ни капельки не испуган.

Как всегда, мысли в голове с ночи здорово перепутались, вначале очень трудно во всём разобраться, особенно если пробуждение омрачено отсутствием матери, вместо которой рядом совершенно посторонняя старуха, делающая вид, что она своя в доску. Или мама уже состарилась и превратилась в... это?

Он задумчиво сидел на кровати, пытаясь разобраться в происходящем, а неизвестная, довольно неуклюже игравшая роль мамы, пыхтя, натягивала чулок ему на ногу, чему он неактивно, однако не без успеха сопротивлялся, прислушиваясь и принимаясь к тому, что происходит вне пределов спальни, за плотно сдвинутыми шторами.

Там установилась подозрительная тишина, какой прежде никогда не было. Митя не мог понять, с чем это связано, старался уловить привычные разговоры, шум шагов и даже запах дыма отцовских папирос, который в общем-то не любил, но отсутствие коего не нравилось ему теперь еще больше.

– Вытяни носок, – сказала тётка уже нормальным голосом, устав притворяться, – а то у нас ничего не получится.

В голове вертелись обрывки множества фраз, с которыми следовало разобраться, выделить главное слово, определявшее нынешнее положение вещей. Это было непросто, ночью за стенкой случилась суматоха, приезжали посторонние люди, наверное, опять вызывали врачей. Они громко топали, явно не сняв обуви при входе. Слово, после которого всё движение утихомирилось и сошло на нет, через некоторое время было изыскано благодаря особенному, но сходному выражению, с каким его произносили разные люди, и не без труда выужено из памяти на поверхность, как сильная рыба из воды. Оно оказалось незнакомым. Митя желал прояснить смысл этого слова как можно скорее.

– Папа умер? – спросил толстуху, несколько привыкнув к её удивительной внешности и даже припомнив нечто виденное прежде.

Мгновение поколебавшись, она подтвердила:

– Сегодня ночью отмаялся сердешный.

– А мама?

– Блинчики печёт. Давай быстрее оденемся и пойдём блинчики кушать.

– Нет, чулки одевать не буду, потому что сегодня уже лето настало и можно ходить без чулок на улице. Мне мама обещала.

Тётка внимательно глянула ему в лицо и, будто найдя там некое новое качество, прежде отсутствующее, а теперь позволявшее иметь собственное мнение и суждение, вздохнула:

– Ладно, раз мама обещала, не будем, – помогла надеть рубашку, короткие летние штанишки, взяла за руку и повела за собой.

Занавески на двери легко разлетелись в стороны. Они оказались в большой незнакомой комнате, исполненной ярчайшего солнечного света, какого он раньше тоже никогда не видел, от того, наверное, что не просыпался летом в столь раннюю пору, где, к его удивлению, никого и ничего не оказалось: исчезла вся мебель полностью, даже кровать с большим отцом и та куда-то подевалась, отчего комната предстала незнакомо огромной. Воздушное пространство от пола до потолка наполнено светящимся солнечным светом, льющим в большие квадраты окон, с которых убрали плотные тяжёлые шторы.

Пусто и чисто, воздух прохладный, свежий, форточки раскрыты, пол блестит: кое-где у стен еще заметны влажные пятна, оставшиеся после уборки. Их шаги прозвучали удивительно громко, даже гулко.

- Папа в другой комнате?
- Его забрали в больницу, скоро привезут.
- А что значит умер?
- Ну, заснул крепко-накрепко.
- Когда проснётся?
- Не знаю. Когда-нибудь, наверное, проснётся.
- И тогда больше не будет болеть? Выздоровеет?
- Конечно.

Тётя тянула Митю вон из папиной комнаты, но утренний солнечный свет тепло обнимал за плечи, слегка, как во сне, поднимая вверх. Это напомнило ему, как давным-давно отец нёс его на руках по улице, когда они все вместе возвращались из гостей.

Мама откуда-то сзади вполголоса поругивала отца, что он, такой-сякой, не выдержал, снова напился. Настала пора переходить трамвайные рельсы. Отец что-то отвечал, и вдруг они начали валиться на землю, но не бум! – и шишка, нет, очень-очень медленно, как в неведомости. Отец оказался лежащим на рельсах, а Митя продолжал парить над ним. Ему чрезвычайно понравилось такое падение на воздушном шаре, он рассмеялся. По виску отца текла кровь, мама ругалась уже громко, вытирая её платком, помогла встать и отряхнуть праздничный костюм.

То же ощущение полёта случилось с Митей только что в тёплом солнечном свете пустой комнаты, жаль тётя не хотела задержаться здесь подольше. Никогда прежде не светился столь чудесно воздух, как на этот раз, никогда тихие звуки голоса не раздваивались и не летали долго, отражаясь от белых стен наставительным шёпотом.

Пройдя тёмным коридором, затем через кухню с единственным малюсеньким окошком в толщине кирпичной стены и поднявшись по ступеням, они оказались в летней кухне, исполненной горячих утренних звуков и запахов готовящейся еды.

Совершенно неожиданно для раннего утра народа здесь оказалось непривычно много, столько, что яблоку упасть некуда, если только совсем уж маленькому и в чей-нибудь карман. Митя страшно удивился, затих.

Несмотря на широко распахнутую уличную дверь, стёкла одинарного оконца, смотрящего в соседний забор, запотели. На больших бабушкиных стульях установлены два пышущих жаром огромных керогаза: на одном кипела гигантская кастрюля, на другом мама пекла блины.

Митя не сразу признал её в незнакомом одеянии, состоящем из чёрного длинного платья и чёрного же блестящего шарфика, прикрывавшего, несмотря на жару, даже голову.

Люди почему-то не разговаривали между собой, как бывает обычно при собирании в кучи, лишь перешёптывались, некоторые женщины утирали глаза платочками. При Митином появлении даже те, которые шептались, прекратили это делать, начав согласно сморкаться.

В чёрном одеянии мама выглядела значительно старше своих лет, её лицо было не белозерым, а жёлтым. Она не приласкала его, даже не улыбнулась, лишь мельком глянув и будто отметив присутствие, ставшее необходимым в столь ранний час, продолжила печь блины с обычным своим проворством, несмотря на то, что повсюду на столе уже высились румяные горы. Только сказала приведшей Митю тёте Клавье (теперь он узнал её совершенно точно, прежде она никогда не делала на своей голове этих смешных жиденьких косиц): «Положи ему с маслом».

Мамины блинчики по обыкновению вкусные, но жара, шмыганье посторонних носов, отчётливо слышимое в тишине, печальные взгляды угнетали аппетит.

Посему ел неспешно, без молока (забыли налить!), сам потихоньку разглядывая людей, вздумавших с утра пораньше навестить их маленький домик. В основном это были соседки, хотя имелось несколько совершенно неизвестных Мите людей. Они продолжали вздыхать, переминаясь с ноги на ногу, поглядывая на мать, будто та, разделавшись с блинами, должна рассказать всем нечто интересное.

Мама или он. Митя их тоже очень интересовал, это чувствовалось по внимательным взглядам, но, возможно, они хотят откусать блинчиков? Почему-то мама никого больше не пригласила к столу, в отличие от обычных правил, и ему сделалось неудобно перед застенчиво-тихими утренними гостями.

– Сколько лет мальчику? – спросил кто-то.

– Четыре скоро будет, – с готовностью сообщила тётя Клава, – три годика пока.

– Сиротинушка ты мой маленький, – вдруг ни с того ни с сего расплакалась тётя Аня, пришедшая с утра, несмотря на первый день лета в тёплой фуфайке поверх домашнего халата и калошах на пёстрых шерстяных носках чуть не до колен.

– Без отца не сирота, а полсироты, – поправила тётя Клава, – когда без матери, вот тогда настоящая сирота.

– Какой человек умер! – вдруг произнёс непримечательного, серовато-пепельного вида мужчина с щетиной на лице, стоящий почти за отворённой сенешной дверью, как бы прячась за ней. – Какой был хороший человек...

После чего умолк, словно сильно расстроился.

Он явно имел в виду Митиного отца, раз тот сегодня ночью умер. Митя посмотрел на него с благодарностью, право, жаль, что его запихнули в дальний тёмный угол, где внизу на полочке находится обувь, а сверху на кирпичиках лежат баночки с гуталином и сапожные щётки. Даже коробка с гвоздями торчит боком, как бы не свалилась ему на голову.

– Хорошие люди рано умирают, – помедлив, согласилась мама, на секунду оторвавшись от блинов и грозно глянув в тот угол, где стоял человек, – а плохие живут себе да живут, и ничего им не делается.

«Получается, что не умершие сегодня ночью – не вполне хорошие люди, – размышлял Митя, достаточно накушавшись блинчиков, – это мнение, должно быть, не слишком приятно для окружающих, от того и лица у них такие постные, а праздник ожидается большой, вон сколько блинов и кастрюля огромная киселя».

– Нет, – продолжала мама, – конечно, пил, спорить не буду, но с работы домой всегда сам приходил, собственным ходом. Сколько бы ни выпил, а до ворот дойдёт обязательно. Калитку откроет, зайдёт и у себя во дворе упадёт. На улице никогда не валялся. – И тоже утёрла глаза кончиком чёрного шарфика.

Все благоговейно молчали, не вмешиваясь и не прерывая рассказа.

– Галошу с сапога всегда на горочке терял, – уже чуть не плача вспомнила мама подробность, – втащу его в дом, уложу на диван, разую, потом иду галошу искать. И ни разу, представьте себе, галошу не унесли, всегда практически на одном и том же месте находилась.

– Кому нужна одна галоша...

– Э, вот не скажите, в наше время и одну галошу уведут – глазом не успеешь моргнуть, – уверила окружающих тётя Клава, – переворачивай блин, готов.

– Интеллигентный человек был, вежливый такой, всегда здоровался первым, – вспомнила женщина в домашнем халате и платке, завязанном узелком почему-то на лбу.

– Когда трезвый, лучшего человека не было на всей земле, – подтвердила мама, – ну, а если выпьет... то... сами знаете. А выпивал часто... почти каждую субботу чекушку брал,

но это из-за болезни, прежде только в аванс и получку: работал ведь до последнего, уже ноги еле таскал, а с утра на работу всё равно идёт.

– Фронтовик же, – пояснил человек из угла, начавший разговор, – фронтовики все пьют, война приучила, после боя оно как? Еда есть ли – нет ли, неважно, а наркомовский паёк обязательно нальют, и твой, и тех, которых рядом убили. На водке отвоевали с сухарями на закусь. Я до армии в рот не брал, а в окопе куда деваться? За правое дело, за Родину, за Сталина. Привык насмерть, теперь поздно переучивать.

– Иди, погуляй во дворе, – почти в приказном порядке сказала Мите мама, даже не обратив внимания, что ребёнок ходит без чулок.

Это была удача, которой следовало немедленно воспользоваться.

Быстро натянув сандалии, он вышел во двор и остановился в кратком раздумье. Хотя солнце поднялось высоко, в воздухе присутствовала очаровательная прохлада, особо приятная после жары летней кухни.

Утренняя свежесть в отсутствии обязательных прежде на прогулках чулок и сопутствующих им пажиков, ужасно надоевших за осень, зиму и весну, радостно бодрила – хотелось проворно убежать куда-нибудь далеко-далеко. В ограде он и без того гулял сто раз в одиночку, здесь высокий, много выше роста взрослого человека забор, столбы, его поддерживающие, толсты, как стволы деревьев, и такие древние, что кое-где покрыты зелёным мхом.

А вот на улицу он в одиночку не выходил ни разу.

Щеколда калитки поддалась со второй попытки, и тут же в награду за смелость Митя получил в своё полное распоряжение огромнейшие жизненные пространства.

Утро раннее, воскресное, лучезарное сияло с небес. Жители ещё спали, окна всех домов закрыты ставнями, потому квартал целиком и полностью находился в его личном распоряжении вместе с дорогой, песчаными тротуарами, электрическими столбами, проводами и птичками, на них сидящими, огромными деревьями и заросшей травой горкой. Всё в первозданном, нетронutom после ночи виде, с чистейшим, невиданной прозрачности воздухом, который бывает здесь только до первого грузовика.

Вот что значит гулять без чулок! А в чулках да под присмотром – совсем бы другое дело.

Раздался скрежет несмазанных петель, через дом из ворот вышла открывать ставни тётя Тамара, обычно вполне благожелательно к Мите расположенная соседка, и по закону, установленному мамой, он тут же направился к ней здороваться первым. Набрал в лёгкие побольше воздуха, громко, весело сказал:

– Здравствуйте!

Тётя Тамара – весьма симпатичная тётя с чёрными кудряшками и смеющимися глазами, приветливо улыбнулась.

– Здравствуй, что-то ты сегодня ранёхонько поднялся.

– У меня ночью папка умер.

Лицо соседки внезапно побелело, улыбка исчезла, глаза расширились и остекленели.

– Совсем умер? – переспросила она тихо.

– Умер, – подтвердил Митя, с любопытством взирая на чудесные перемены, случившиеся с лицом тёти Тамары, – похороны состоятся в два часа дня. На заводе специально уже памятник железный делают и оградку.

Последнее сообщение отбило у симпатичной соседки всякое желание к продолжению разговора. Забыв про не вполне открытые ставни, тётя Тамара вдруг резко развернулась на месте и почти вбежала в калитку, не дав Мите толком расспросить её, что делается с человеком после того, как он умрёт. Как излечивается, где и когда. Небось, лекарство дорогущее...

Надо ещё кому-нибудь рассказать, но про оградку сразу не говорить.

Случайный прохожий – небритый, с воспалёнными красными глазами и банным венчиком в сумке, – попался навстречу нескоро. Когда Митя поведал ему новость, он опечалился ещё в большей степени, чем тётя Тамара: долго, с непонятным уважением расспрашивал, от чего умер отец Мити, как долго до этого болел и когда будут поминки. Митя всё обстоятельно рассказал, в том числе показал, где они живут, добавив, что сегодня к ним приедет играть музыка.

– После зайду проводить, – сказал человек сам себе, – в бане помоюсь, домой схожу и как раз к выносу успею. Там, глядишь, и опохмелюсь. Как ни крути, а душа своё требует.

– Приходите, будем рады, – сказал сирота вежливо, отмечая шевеление на углу квартала возле водопроводной колонки двух фигур с ведрами.

Дойдя до угла, рассмотрел их: очень пожилого, потертого, но кучерявого на висках, с лысым затылком человека в очках, за толстыми линзами которых не разглядеть глаз, наливавшего своё ведро, и его спутницу, худую высокую женщину в грубой робе, висевшей на ней, как на вешалке, которая горбясь потащила на плечах коромысло, обвив его тощими жилистыми руками.

Митина новость не произвела на человека у водоклонки совершенно никакого впечатления. Будто уже многие прохожие успели о том доложить.

– Умер? Царствие ему небесное, – сказал он равнодушно, не отрывая взгляда от белой струи воды, сильно бившей в ведро.

– Его отвезут на кладбище, там он полежит в могилке, вылечится и будет опять здоровым, – счёл нужным объяснить Митя ситуацию как можно более неунывающим тоном.

– Как же он сам выберется из могилы из-под земли? – неожиданно рассердился кучерявый, выпалив на Митю злые стекла. – Сверху копать – и то лопата нужна!

Митя немного испугался и ответно рассердился:

– А вот раз – и выпрыгнет здоровенький! И уколы ему делать не надо будет, и операции резать!

Разочарованный общением с лысо-кучерявым, Митя побежал обратно к дому. В спину ему несло:

– Выпрыгнет, как же, жди больше! Всё бы покойники из могил выпрыгивали, вот бы я на вас посмотрел тогда!

Днём с завода, где работал отец, пришла машина – привезла памятник и металлическую оградку в кузове. Памятник являл собою железную пирамиду, окрашенную краской-серебрянкой, к вершине которой приварена звезда того же серебристого цвета.

Сосед дядя Гена, живший неподалёку в доме с высоченными воротами, заинтересовавшись памятником, влез на грузовик, потрогал пальцем липкую звезду и укоризненно качнул головой, выражая отношение к халтуре. На вытянутом лице с длинными ушами возникло разочарование. Памятник был изготовлен срочно, за счёт завода.

– Охры что ли не нашли для звёздочки?

Сходив к себе домой, принёс краску, кисточку и аккуратно перекрасил звезду в красновато-коричневый цвет. А когда унёс краску, одна соседка сказала другой: «На заводе он цеховой парторг. Бойтся за политику партии».

Приехали невозмутимые люди с барабанами и жёлтыми тарелками – оркестр. Ни на кого не обращая внимания, они расположились прямо перед воротами на улице и начали опробовать инструменты.

Митя пристально наблюдал за происходящим. Он не мог прояснить значения памятника, имевшего значительные размеры, принимая его за некий медицинский и одновременно космический аппарат. Сможет ли отец разместиться в этой ракете? Если памятник специально изготовили на заводе для папы, какое право имеет дядя Гена мазать своей половой краской звёздочку? Или предстоит нечто совершенно волшебное?

Острыми ушами, торчащими из шапки волос, хитроватым взглядом, когда оглядывался по сторонам, производя окраску, сутуловатым горбиком спины дядя Гена напоминал ему некую загадочную колдовскую зверюшку, применяющую к целебному устройству свои непонятные дополнительные чары.

Настала пора Мите вернуться в дом, а там всё переменялось, будто по мановению волшебной палочки: исчезли чадающие огромные керогазы, вместо них на бабушкиных стульях восседали маленькие, очень важные церковные старушки в чёрных одеяниях.

Мать взяла Митю за руку, отвела в большую комнату, утром так поразившую его солнечной пустотой. Вещи здесь по-прежнему отсутствовали, зато на двух табуретах стоял длинный красный ящик, называемый гробом, к изголовью которого приставлены венки, сделанные из веток ёлки. От них в комнате сильно пахло хвоёй, совсем как на Новый год, когда дарят шоколадные конфеты, мандарины, игрушки. Митя улыбнулся приятному воспоминанию.

В гробу спал небритый отец. Лицо его было спокойным, бледным, умиротворённым. Рядом стоял стул. Распоряжался в комнате приглашённый фотограф: он усадил мать на стул, поставил Митю рядом, приказав обоим смотреть на покойного, отошёл на два шага к закрытой двери, ведущей в другую комнату, и щёлкнул два раза вспышкой. Затем с треском отворил створки дверей: соседняя комната оказалась битком набита молчащим народом. Для Мити это было полной неожиданностью. Впоследствии ему снился дурной сон: двери в комнату отворяются, а за ними плотной стеной стоит множество людей, которые молча на него смотрят.

Через распахнутую дверь они начали переходить в большую комнату, через минуту став плотной стеной у гроба. Фотограф сфотографировал их, после чего объявил: «Можно выносить для прощания на улицу».

Под звуки музыки, бьющей прямо в сердце, гроб установили в кузове машины, где уже находились памятник и оградка, после чего машина с открытыми бортами тихо поехала по улице. Все зашагали следом, Митя с матерью тоже.

В лесу на кладбище гроб сняли с грузовика, снова поставили на табуреты рядом с выкопанной в белом песке глубокой ямой. У сироты в голове зароились самые неприятные предчувствия.

Их подтвердил земляной человек с лопатой, сновавший рядом.

– Давайте кончать процессию, – сказал он нетерпеливо, – песок быстро сохнет, края в любой момент могут обвалиться. Мы, конечное дело, положили доски, но всё равно, чем чёрт не шутит.

Повсеместно стоящие в округе пирамидки с оградками, подобные той, что они привезли с собой, но здорово облупившиеся, говорили Мите, что и они оставят эти заводские изделия стоять здесь, обратно не заберут. Для чего в таком случае выкопана глубокая яма? Неужели для отца? Разве в песке вылечишься?

Мама начала плакать, другие женщины тоже всхлипывали, а Митя с подозрением разглядывал плохо одетых людей с лопатами, перекуривавших в сторонке.

Далее произошла уже совершенно бесчеловечная жестокость: отца заколотили сверху красной крышкой, прибив её ни много ни мало гвоздями, и неподобающим образом одетые мужчины в потных рубашках, под визги рыдающей музыки, опустили гроб в яму. И что самое страшное – все по очереди подходили к яме, бросая горсти песка в могилу. Песок гулко стучал в крышку. «Зачем кидаются?» Следом за данной процедурой ждавшие своего часа могильщики с лопатами быстро довершили дело, установив поверх кучи сырого песка оградку и памятник внутри неё.

Теперь он понимал, о чём предупреждал его злой дядька у колонки! Если отец проснётся там, то не сможет вылезти! Ведь его так глубоко зарыли! Да ещё прибили крышку

гроба гвоздями! Отец совершенно точно не сможет выбраться, даже если выздоровеет! Митя попытался объяснить эти ставшие очевидными для него ужасные подозрения матери, но та почему-то отвернулась, не желая слушать. Митя зашёл с другой стороны, дёрнул за платье: «Ему там темно и нечем дышать, когда будем откапывать обратно?».

— Завтра, — ответил землекоп в простой рубахе с закатанными до локтей рукавами, с большим удовольствием выпив поднесённый тетей Клавой стаканчик водки: — Пусть земля ему пухом! — Ты, главное, сильно не расстраивайся, ко всему, брат, постепенно привыкнешь. Жить на земле трудно, народ с возрастом обустраивается, кто как может, а потом всех без разбору сюда сносят, и никуда не деться. Такие хреновые порядки в этом мире. Ладно, царствие ему небесное, аминь. Похоронили по-людски — уже хорошо.

Обратно идти оказалось гораздо труднее: кладбищенский песок набился в сандалии, растёр пальцы в кровь, но Митя его не вытряхивал и даже не сказал никому, потому что сам не заметил. Ему было горько.

2. Кукушка с голубями и девочки с дафниями

Когда отец из-за болезни слёг и не смог ходить на свой «Металлзавод №1», мама устроилась в артель швей-надомниц, дабы иметь хоть какой-то заработок и при всём при том находиться дома.

Её новая деятельность чрезвычайно нравилась Мите.

Ножная швейная машинка переместилась из темноватого угла ближе к окну и теперь день-деньской строчила, как из пулемёта, пробивая брезент специально раскроенных заготовок, сшивая их в рабочие рукавицы. На полу возле машины высилась гора новеньких верхонков, остро пахнувших фабричным брезентом. Он обожал прыгать на неё с разбега, играя в войну под пулемётную трескотню швейной машинки.

В конце недели приезжал на грузовике бригадир артели, весёлый дядька, говорящий шутками-прибаутками, привозил туго связанные пачки заготовок правых и левых половинок рукавиц, с собою забирая готовые верхонки. С каждой пары рукавиц заработок швеи составлял три копейки.

И всё бы хорошо, однако со временем стук машинки начал раздражать больного отца, в результате с надомной грохочущей работой пришлось расстаться.

Стоял апрель, снег сходил с земли, текли ручьи.

Возле дома у них имелся небольшой огорожок, где летом произрастали на нескольких грядках морковь, лук, укроп и помидоры с огурцами, а далеко за городом был куплен несколько лет назад мичуринский участок – пять соток чернозема с ранетками, стелющимися яблонями, клубникой-викторией, малиной, крыжовником, смородиной, требующий за собой постоянного ухода.

После похорон и поминок денег в семье совершенно не осталось.

Мама часто задумывалась, глядя перед собой в одну точку, тихо вздыхая. Ей надо было устраиваться на работу, однако в этом случае совершенно некуда деть Митю, потому что на хороших работах мест в детские городские садики не предоставляют, а идти на завод в горячий цех она не хотела. С урожаем на заводе тоже пришлось бы расстаться, потому что без ежедневного ухода да поливки и на грядках ничего не вырастет, и ягода осыплется на землю и пропадёт, в результате все усилия пойдут прахом.

Она постоянно советовалась с тётей Клавой, с тётей Аней, другими соседками, встречаемыми на улице и, в конце концов, решила отложить трудоустройство на осень, вплоть до окончания сбора урожая, который в этом году, судя по завязи смородины и ранетки, должен быть рекордным. Главное, заморозков июньских не случилось: плодовые деревья и ягодные кусты сплошь усыпаны замечательной завязью.

– Перейдём на подножный корм? – предложила мама Мите.

– Перейдём, – с радостью согласился тот, представляя, что с этого дня их семейство начнёт питаться травкой, в обилии везде произрастающей, беря пример с коровок и барашков, и забот не зная со всеми этими супами, пюре и котлетами.

В самом скором времени они действительно перешли на подножный корм, однако не совсем так, как Мите представлялось.

Теперь, когда он просыпался утром, мама уже возвращалась с базара, куда к шести часам относилась на продажу корзину с редиской, луком, укропом. На вырученные деньги там же, на базаре приобретались самые необходимые продукты, а оставшуюся мелочь: пятаки с десятиками мама раскладывала на столе, считала, составляя столбики, думала о чём-то и сообщала с облегчением: «Ну, на сегодня нам должно хватить, а завтра – видно будет».

Из сумки вынимались вкуснейшие в мире горячие беляши, а на дне еще находилось с полкило баранины, завернутой в большой лист хрена на обеденный суп. Они завтракали салатом из своей огородной редиски, беляшами со сладким чаем, вкуснее еды Митя себе вообразить не мог.

Сразу после завтрака наступало время набирать воду для вечерней поливки огорода, чтобы за день она хорошенько прогрелась на солнце.

Взяв коромысло и вёдра, мама шла на колонку, Митя вприпрыжку бежал следом. Его помощь простая, но необходимая – открывать и закрывать ворота на улицу, не то может заскочить какая-нибудь уличная собака и вытоптать весь их подножный корм.

Кошки не столь опасны, но и они представляют угрозу для свежих посадок: любят бегать по рыхлой земле грядок, разрывая их задними ногами. Только вчера мама выдергала остатки редиски, перекопала землю, заборонила граблями, сделав грядочку ровненькой, посадила новые редисочные семена, полив их из лейки. Теперь грядку надо беречь и охранять как зеницу ока, ведь она даст им будущий подножный корм.

Вёдра на коромысло мама надевает громадные: наполненное водой Митя не может даже одно приподнять от земли, а мама несёт на плечах два, совершая за утро много походов на угол квартала к водопроводной колонке, постепенно наполняя бочку.

Что действительно хорошо, с утра возле колонки очередь маленькая: когда один человек стоит, набирает воду, когда двое. Зато вечером здесь скапливается уйма народу, тогда приходится долго стоять-ждать каждый раз, да и напор утром лучше.

Мама наливает вёдра по самые краешки, играючи взмётает коромысло на плечи, несёт, не плеща ни капли. На третьем-четвёртом походе начинает уставать – тянуть при ходьбе шею, а вода потихоньку расплескивается на землю. В Митины прямые обязанности входит вовремя сообщать ей об этом.

По пути они обязательно здороваются с прохожими: тёткой Федосьей, бабой Лизой, спешащими в церковь, откуда доносится утренний колокольный звон, потом дядей Геной, идущим на завод в костюме и при галстук.

– Здравствуй, Геннадий, – говорит мама, отворачивая в сторону вёдра, чтобы случайно не задеть.

– Здравствуйте, – дядя Гена останавливается. – Ну как, устроилась на работу?

Мама опускает глаза, начинает оправдываться.

– Пока ничего не подыскала. Сейчас сад да огород требуют много времени, только успевай разворачиваться, да и ребёнка куда девать?

– Пойдёшь на завод, устроим в ведомственный садик.

– Нет, к станку не хочу. Не по душе дым, да гарь, да мазут.

– Тунеядствовать тоже нечего. Смотри, так недолго покатиться вниз по наклонной плоскости. За тунеядство статья предусмотрена, в курсе?

Глянув на часы, дядя Гена торопливо кивает и уходит на завод размеренным механическим шагом. Они с мамой идут дальше своей дорогой. Вода из вёдер сильно плещется, Митя громко сообщает об этом, но мама будто не слышит. У неё портится настроение.

– Что топчешься? Открывай калитку! – кричит она. – Нет, чтобы матери помочь, так он ворон считает!

Митя отворил калитку в ограду, закрыл следом и побежал быстрее вперёд – открывать огородную, которую надобно стоять-придерживать, чтобы не ударила с размаха по ведру.

Мама выливает воду, бормоча вслух: «Тунеядство, тунеядство, ну где здесь тунеядство, когда работаешь круглосуточно тягловой лошастью? Бочку одну наполнить – надо десять раз на колонку с коромыслом сбегать, а одной бочки на огород разве хватит? Ещё ванну налить да бачок для дома. Умник нашёлся! Между прочим, мне уже не семнадцать лет, чтобы здесь лямку тянуть да еще на заводе железо ворочать. Без того всю жизнь напролёт, как лошадь,

в мыле бегаешь, а он идёт в костюмчике за столом сидеть – чинуша! Тунеядством пеняет. Боится, что денег приду просить в долг».

Она заторопилась на улицу сердито гремя вёдрами, оставив калитку открытой. Чувствуя, что только мешаетя под ногами и у мамы неважное настроение, Митя более не решился сопровождать её до колонки, остался возле дома.

Молчаливо замкнувшись, мама безостановочно таскала воду, пока бочка, бак и ванная не наполнились до самых краёв.

Вылив последнее ведро, она почти упала на огородную лавочку и зачем-то долго смотрела на цветущие желтыми цветками помидорные кустики. Вдруг улыбнулась Мите, из чего следовало, что настроение её начало подниматься.

– Ничего, сынок, живы будем – не умрём. Солнце высоко стоит, часов десять, никак не меньше. Идём в дорогу собираться, а то народу опять будет на остановке – с автоматом не пробиться.

Их мичуринский участок находится далеко за городом, туда долго добираться. Быстрее всего, конечно, можно доехать на автобусе.

По краям площади располагаются несколько остановок разных маршрутов, и на каждой гудит немалая толпа желающих уехать. В центре площади шеренгой выстроились автобусы.

Когда какой-нибудь из них запускает двигатель и выруливает к остановке, на него тотчас набрасываются люди, числом в несколько раз превышающим количество мест в салоне. Начинается штурм дверей.

– Это ещё что, – наблюдая соседнюю посадочную площадку, где разыгралось очередное столпотворение, сказала мама своей знакомой Павловне, представительного вида старухе в чёрной одежде и чёрном платке, со всегда суровым лицом, – а что тут будет в воскресенье!

– В воскресенье все в сады ринутся, тогда нам здесь делать нечего, – согласилась Павловна, и её лицо стало ещё суровей, почти как у воина-пограничника, если рассматривать черный платок, надвинутый по самые брови, в качестве воинской каски. – А и сейчас зря ждём, только время теряем, надо на трамвае ехать да пешком через лес идти. Вернее будет.

– Подождём немного, вдруг залезем? Вдруг два автобуса по маршруту сразу пустят?

Взгляд Павловны сообщил окружающим, что мама такая же мечтательница, как и её маленький сын, но Митя в данном случае даже и не собирался мечтать про второй автобус. Как можно вообще мечтать про пыльную давку, где нечем дышать?

Конечно, автобус довезёт до самых ворот садоводства, а через лес идти далеко и опасно, ведь там могут встретиться хулиганы и бандиты, это всем известно, но всё равно Мите, как и Павловне, лес нравится гораздо больше, нежели душный, битком набитый автобусный салон, в котором его каждый раз лихотит от запаха бензина, пыли, тесноты, духоты и тряски.

Их автобус должен отправиться по расписанию только через полчаса.

Этого времени вполне достаточно, чтобы прогуляться до Демидовского столба, расположенного неподалеку. Митя уже знает, что столб воздвигнут в честь горнозаводского дела на Алтае, однако после революции вывеску на нем сменили, он сделался памятником героям революции. Тем не менее жители продолжали называть столб Демидовским.

Вокруг очень красиво. Под ногами каменные плиты, а не асфальт. Мама рассказала Мите, что в прошлом веке здесь любил гулять сосланный писатель Достоевский. Он скучал по Петербургу, а окрестности Демидовского столба напоминали ему петербургские виды.

– Он прямо сюда наступал? – указал Митя перед собой.

– Да, прямо сюда.

С великой осторожностью Митя поставил свою ногу, как ему казалось, след в след Фёдору Михайловичу, испытывая при этом невероятное волнение.

Нагулявшись в своё удовольствие, они вернулись разговаривать с Павловной. Тут один из автобусов в центре площади развернулся, лихо подкатил к их остановке, передние и задние двери открылись. Толпа облепила «душегубку», словно черные муравьи зеленую гусеницу, брошенную прямо на муравьиную кучу, и в первые несколько минут у дверей, даже передних, куда по правилам должны заходить только инвалиды и пассажиры с детьми дошкольного возраста и куда они тоже направились, разыгралось нешуточное сражение, сопровождаемое короткими сдавленными криками. Замелькали вперемешку локти, сумки, рассерженные лица. Полыхнула истошная женская брань.

– Не пойду туда, – объявил Митя.

– Не бойся, дай-ка возьму тебя на руки.

И действительно, мама подхватила его, закинула чуть ли не на плечо (в левой руке у неё большое эмалированное ведро с обеденными припасами), после чего храбро устремилась в гущу сражения к передним дверям. Атмосфера здесь накалена до предела. Перед тем как закрыть от страха глаза, Митя успел заметить, что Павловна осталась стоять на месте с отстранённым, безрадостным выражением. Однако Павловна получает пенсию, кроме того ей помогает дочь, которая хорошо зарабатывает. Попадёт она сегодня в сад и во сколько – не столь для неё важно, как для их маленькой семейки беспомощных тунеядцев, существующих исключительно на подножном корму и Митину пенсию в двадцать рублей. Пенсия по утере кормильца маленькая от того, что начислили ее не с зарплаты, а уже с пенсии отца по инвалидности, которую тот успел получить всего два раза.

Нетрудно догадаться, что и прочие граждане с вёдрами, корзинами, костылями, детьми относились к их же категории, существующих на подножном корму, растущему в садах или ближних деревнях, куда доходит автобус, так что отступать всем некуда, остаётся сражаться до последнего с себе подобными за право уехать. Автобусов мало, а людей слишком много развелось.

Они врзались в толпу, мгновенно в ней увязли, никуда не продвинувшись, в то время как буквально в двух метрах от них десятки счастливицков врываются внутрь салона, становясь пассажирами и занимая лучшие места у окон, выставив в них, словно на показ, довольные лица. Зажатые со всех сторон сердитыми людьми, тоже пытавшимися продвинуться хоть на сантиметр ближе к дверям, Митя с мамой могли только наблюдать, как наполняется пассажирами автобусное пространство за стёклами.

Но постепенно лица счастливицков, только что глядевших на остановку из окон с выражением полного удовлетворения – «Уффф! Влезли! Теперь уедем!», начинают морщиться, приобретая страдальческие черты: кругом толчея, жара, совершенно нечем дышать. Народу в автобусе, как сельдей в бочке, на голове друг у друга стоят.

Оставшиеся наперебой ругали хама, растолкавшего детных пассажиров, а также инвалидов локтями и нагло залезшего в первую дверь, но что теперь? Теперь кричать бесполезно.

Автобус набился под завязку, из верхних узеньких открытых форточек как-то боком и неудобно торчат головы – высунулись, дышат воздухом. Не желавшие остаться граждане висят гроздьями в дверях, иные болтаются даже без всякой опоры, некуда ногу приспособить на ступеньке.

Шофёр кричит в радио: «Пока не освободите двери, автобус в рейс не выйдёт!».

«Врёшь-пойдёшь, – отвечают ему головы из форточек, – расписание для кого писано?»

– Куда только народ едет? – произнесла мама недовольно. – Мы-то в сад, по насущному делу, пропитания ради, а они куда рвутся?

– Все по насущным делам, – вздохнула Павловна, – от безделья в душегубку на мучение разве полезешь?

Мать опустила Митю с рук.

– Идём на трамвай? – спросил он, довольный и счастливый, что им не удалось задохнуться в автобус.

Через несколько минут они уже ехали в полупустом вагоне на сидячих местах, и никто не ставил им здесь на головы ни ведра, ни корзины. На конечной остановке неторопливо вышли, оглядевшись и повздыхав, двинулись по узкой улочке. Не успели до моста через речку пройти, Павловна запыхалась, сипло задышала и теперь гораздо более походила на умирающую старуху, чем на пожилую умную женщину, не пожелавшую трамбоваться в автобус.

Раздражение матери от неудачной посадки давно исчезло, она только сожалеет о потерянном времени:

– Конечно, в автобусе здорово бы намучились, зато сейчас были на месте.

Перейдя через мост, под которым несла свои мутные воды речка Пивоварка, оказались на опушке соснового бора, где Павловна запросила отдыха под тремя соснами-великанами с красновато-жёлтыми стволами, на ощупь теплыми, будто живыми.

Митя первый присел на реденькую травку, росшую из плотного покрова старых коричневых иголок, бросил взгляд в сторону, на серую песчаную дорогу, уходящую в сторону кладбища.

– Мама, давай зайдём к папе, это ведь не очень далеко.

– В саду работы много, сынок, а нам ещё идти да идти. Как-нибудь на днях обязательно сходим.

Мите ясно, что отца навсегда оставили лежать на кладбище под тяжёлым песком, кроме того он уже ознакомлен и с тем прискорбным обстоятельством, что всем людям без исключения суждено умереть и быть зарытыми собственными родственниками, однако привыкнуть к столь странной жестокости никак не может. Когда задумывает об этом, хочется плакать.

Ему кажется, что если они навестят отцову могилку, тому станет не так страшно и тяжело лежать под землёй. Он их там ждёт всё время, а они проходят мимо, бегут в сад, жалея времени и сил зайти, хотя дорога-просека упирается прямо в кладбище, которого отсюда только по дальности не видно.

Павловна так и не присела – отдыхала стоя, опершись одной рукой на розовую тёплую сосну, другую приложив ко лбу козырьком, как и Митя, глядела на песчаную дорогу, узкой полосой пронзавшую глубину бора.

Дорога уходит вдаль прямо, вроде пущенной стрелы, и сколько хватает глаза, нигде не сворачивает: иногда ныряет вниз и вновь возникает на очередной горке, с обеих сторон её плотно обступают высокие сосны.

В лесу не так жарко, как в городе, воздух свежее, прохладнее, Мите легко и приятно дышать полной грудью. На верхушке соседнего дерева сидит самый настоящий дятел, долбит клювом ствол. Внизу под ним – целая гора шишек.

Где-то совсем близко кукует, как плачет, невидимая кукушка.

«Кукушка, кукушка, скажи, сколько мне лет жить осталось?» – спросил Митя, подражая матери, и, затаив дыхание, слушал нескончаемое кукование.

Жить предстояло немало лет, от сердца отлегло, ему не хочется быть закопанным в глубокую могилу, и страшно даже думать, что мама бросит на его гроб горсть песка. Как бы глубок не был мёртвый сон, он бы обязательно проснулся от этого стука и очень долго плакал в темноте под землёй.

Они отправились по еле заметной тропинке через лес. В сыроватых низинах росла высокая густая трава, усеянная множеством фиолетовых цветов. Мама называла их кукушкиными слёзками. Крохотные ягодки мелкой лесной земляники очень вкусные и, к сожалению, встречаются гораздо реже цветов. Павловна увидела на обочине гриб маслёнок, а мама

нашла несколько сыроежек, которые, несмотря на название, сырыми есть совершенно невозможно.

Как-то раз Митя пробовал пожевать сыроежки, но сразу выплюнул и подумал, что такое вкусное название им присвоили, должно быть, очень-очень голодные люди.

– Если дожди пройдут, грибов за три дня нарастёт столько, что только успевай корзинами таскать. Скоро и боровики должны пойти.

Грибы Митю ничем не привлекали: пахнут невкусно, на вид некрасивые; в данный момент его интересовало другое.

– А почему цветы кукушкиными слёзками называются? Они ведь синенькие и не похожи на слёзы.

– Все птички весной вьют гнёзда, одна кукушка поленилась, не стала вить, снесла яйцо в чужое гнёздо. Другая птичка высидела кукушонка вместе с собственными птенцами, тут кукушка прилетела забрать своего птенца, но он её не признал за мать, пришлось ей улететь ни с чем. Летит, кукует, плачет, а из слёз её вырастают цветы, которые с тех пор и называются кукушкиными слёзками.

После рассказа заунывное кукование казалось особенно трогательным.

Через лес шли очень долго. Митя начал спрашивать: «Скоро придём в сад? Половину прошли?» – «Нет, пока третью часть». Теперь он устал больше всех, даже сильнее Павловны.

Тропинка то лезет в горку, то бежит вниз. Наконец перешли железнодорожную колею, шпалы которой засыпаны красивой разноцветной галькой. Митя поднял несколько штук и спрятал в карманы. Железная дорога – это как раз половина пути, пришла пора устроить привал, посидеть на пенёчках.

Мама умеет жонглировать тремя камешками, а у Мити и с двумя никак не получается. Сколько не пробовал подбрасывать их – камешки падают на землю. Ну что же, тогда идём дальше.

Птички поют и поют со всех сторон, как не устают? Митя страшно устал. Да, в следующий раз они, конечно же, поедут на автобусе, он согласен. И пусть ему только попробуют поставить на голову корзину, как в прошлый раз, уж он так заорёт! Молчать не будет.

Неожиданно лес поредел, открылось широкое поле аэродрома со взлетными полосами, над которым летали маленькие серебристые самолётики. На самом аэродроме длинными ровными рядами стоят настоящие большие самолёты с красными звёздами. Изумительная картина! Петь хочется: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед!».

Миновав аэродром и еще несколько полей, перешли через шоссе – вот наконец-то и садоводство. Зайдя в ворота, Павловна с ними раскланялась, свернула на свою дорожку, а они зашагали вперед по центральной широкой аллее. Садовых участков много, никаких заборчиков меж ними нет, в лучшем случае отделяются друг от друга натянутой проволокой.

У них здесь множество знакомых, мама то и дело приостанавливается, чтобы поздороваться. Вон благообразный старичок в старомодном кителе, парусиновых светлых брюках, широкополой соломенной шляпе рыхлит тяпкой землю вокруг кустов смородины. Мама и с ним поздоровалась:

– Здравствуйте, Дмитрий Данилыч!

– День добрый!

О, так они почти дошли!

Своего тёзку Дмитрия Данилыча Митя прекрасно знает. Он единственный из ближних соседей имеет на крыше своего аккуратного домика ещё один, маленький, похожий на сказочный, в котором живут голуби, воркующие на высоком шесте и совершенно свободно гуляющие по крыше круглый день. Помахав симпатичному старичку рукой, Митя вознамерился тотчас направиться к нему в гости, но мама не разрешила, потому что первым делом надо зайти в свой сад, посмотреть, что да как.

Их выкрашенный синей краской домик мал даже в сравнении с домиком Дмитрия Данилыча, но тоже чрезвычайно красивый. В нём нет веранды, внутри находится только одна маленькая комнатка: небольшая кровать занимает её половину, по стенам стоят стол и две табуретки.

– Слава богу, добрались, – вздыхает мама, отворяя дверь, – сейчас приготовлю обед и пойду работать. Работы – непочатый край. Давай, Митя, устанавливай таганок, похлёбку сварим из баранинки с ключика.

Кострище расположено на краю сада. Здесь в твёрдой, как камень, земле есть дырка, куда надо воткнуть длинную прочную палку, на которой будет висеть котелок, подставить под неё специальную рогатинку. Искать дрова для костра – его любимая забота. В лесу Митя подобрал сухую валежину и принёс с собой на плече, значит, задел положен. Мама навесила котелок с холодной водой и мясом, развела под ним огонь, едва достававший днища котелка.

Пока он искал в округе и подкладывал сухие веточки, она чистила картошку, мыла крупу, разрешила луковицу и принесла с грядки большую тарелку красных ягод.

– Митя, смотри, какая крупная земляника у нас поспела. Самая-самая первая, поэтому сладкая необыкновенно. Попробуй-ка.

В голубом небе маленькие серебристые самолётики рисовали длинные белые линии. Иногда линии были двойными, а изредка даже тройными, что означало: в бой пошло целое звено.

Скоро суп с ключика готов, он очень вкусно пахнет. Сняв котелок с палки, мама говорит: «Пойдём обедать к Дмитрию Данилычу, а то на своем чае он совсем зачихнет».

Дмитрий Данилыч приходу соседей всегда рад:

– Как раз примус раскопегарил, у меня к чаю вкусное печенье имеется.

– Сначала суп поедим, потом чай будем пить.

В соседском домике пахнет травами, висящими вдоль стен небольшими сухими веничками, прохладно и нет мух. Кроме свисающих с потолка клейких лент, на подоконнике – блюдце с желтоватой жидкостью и кусочками грибов мухоморов.

– Осторожнее, руками не трогать, – напоминает Данилыч, – мушиная погибель для человека тоже ядовита. Сегодня у нас будет королевский обед, по такому случаю достанем серебряные ложки. Кстати, который час? Интересуемся временем, молодой человек? Тогда для вас, думаю, представят интерес эти часы.

Он достал из карманчика большой круглый предмет, размером с луковицу, на цепочке, нажал невидимую кнопку, крышка открылась, и на всеобщее обозрение предстал циферблат с изящными цифрами и старинными стрелками.

– Настоящие швейцарские. Однако время поспело, прошу всех к столу.

За обедом Митя не утерпел с вопросом:

– Данилыч, ты раньше купцом был?

– Не совсем чтобы купцом, хотя к торговле отношение имел самое, что ни на есть, непосредственное. В прежние времена, друг мой, я служил приказчиком, эта должность вроде нынешнего старшего продавца будет, если изъясняться современным языком.

К своим четырём годам Митя достаточно навидался самых разных продавцов: и в хлебном магазине, и в продуктовых, уличных продавщиц мороженого, лимонада – все они были тётеньками.

Даже смешно сказать, что Дмитрий Данилыч – продавец, приказчик – другое дело.

И на обычного садовода, приехавшего после работы в сад скорее полить грядки, прополоть, перекопать, подкормить, собрать, он тоже не очень-то похож. Слишком аккуратный, чистенький, даже изящный, с ровно подстриженной седой серебристой головой и бородкой, точный, как его швейцарские часы, и чай на травах у Данилыча необыкновенно вкусный, и говорит он, конечно же, иначе, слишком вежливо для продавщиц-тётенек, и с превеликим

удовольствием. Ему нравится рассказывать Мите всякие особенные, интересные истории из прежней жизни.

Быстро выпив свой чай, мама уходит – у неё очень много работы в саду. Дмитрий Данилыч не торопится идти рыхлить, стало слишком жарко, пришла пора отдохнуть. Они с Митей начинают беседу о голубях. Данилыч перечислил породы, какие у него имеются, какие бывали прежде и какие он знает вообще, потом переходит к историям про своих любимых почтовых голубей, которых знает великое множество. Он хочет, чтобы у Мити тоже были голуби, для чего собирается подарить ему пару, но предварительно требует оборудовать голубятню дома в сарае. Делать голубятню Митя не умеет, поэтому даже и пробовать не начинал, следовательно, в очередной раз услышав, что голубятни нет, старик откладывает чудесный дар на потом.

Из-за стола они вышли на веранду.

– Можно покачаюсь в гамаке? – спросил Митя.

Данилыч не в состоянии отказать маленькому другу. Гамак привязан на длину всей веранды от одного столба до другого, очень прочно. Когда в нём находишься, возникает удивительно приятное чувство невесомости, ибо внизу под тобой нет никакой опоры. Взяв веревочку, привязанную к столбу, легко потянуть себя вбок, от чего гамак начинает раскачиваться.

Тем временем старый садовод стал кормить голубей, которые слетались к нему, садясь на плечи, даже на голову, он их не сгонял, давая клевать пшено прямо из ладони. После чего улегся в гамак, расположенный в тенёчке веранды, тихонько покачиваясь, словно на волнах, и прикрыв веки. Еле заметный ветерок перебирал серебристые пушистые волосы на голове Данилыча. Два белых голубя сидят у него на плечах, приподняв крылья, покачиваются вместе с гамаком.

От удивительной картины веет высшим благополучием, покоем и счастьем.

Митя стоял, тихо умиляясь, но скоро ощутил самую настоящую скуку и, вздохнув, отправился к своему саду. По дороге заметил, что у огромного ржавого бака, наполненного до краев водой, стоят две девочки в красивых розовых платьях, башмачках и белых гольфиках. Запустив руки по локти в мутную воду, они сосредоточенно что-то разглядывали, время от времени вытаскивая сачки, сделанные из алюминиевой проволоки и марли.

Подойдя к ним, Митя самым вежливым образом поинтересовался:

– Здравствуйте. Что вы тут делаете?

– Привет, малявка, – хихикнула маленькая, ростом с Митю, если не ниже.

Митя не хотел ссориться, проглотил оскорбление и улыбнулся.

– Не видишь, что ли? – ответила та, что повыше. – Дафний ловим для аквариумных рыбок.

Он осторожно заглянул за ржавый край. С близи было заметно, что в воде плавают мириады крошечных полупрозрачных существ, живых крупинок. А вдруг они кусаются? Девчонка безбоязненно вытряхнула содержимое сачка в стеклянную литровую банку с прозрачной водой, и очередная порция крупинок перекочевала туда, где и так уже плавало огромное их множество.

– Хорош, – сказала другая, – вполне достаточно.

– Нет, надо еще.

– А ваши рыбки не боятся этих дафний?

– Наоборот, они их едят. Очень любят, примерно как мы – пирожные, знаешь, как гоняются за ними по аквариуму?

Мите тут же размечталось иметь аквариум с рыбками и дафниями, хотя голубей, конечно же, хотелось гораздо сильнее. Но там всё упирается в голубятню, которую он не умеет строить и вряд ли в скором времени научится. Эх, будь у него хоть самая малень-

кая голубятня, Данилыч не стал бы ждать ни минуты, сразу подарил бы ему лучшую свою пару. Надо всё же попробовать приспособить под крышей сарая какой-нибудь ящик с дверцей, взять молоток, гвозди, выпилить в стене сарая под крышей дырку, приколотить изнутри к стене, затем приделать на крыше шест, куда могут садиться голуби, чтобы их не достали кошки, и стать настоящим голубятником. А уж после того как-нибудь при случае завести с мамой осторожненько разговор про аквариум и рыбок.

– Можно я половлю вашим сачком для вас дафний?

– Рискни, – согласилась старшая, очень белобрысая, с двумя торчащими передними зубами, – но если утопишь сачок, полезешь доставать, понял?

– Понял, – Митя принял от неё драгоценное изобретение человеческих рук.

– Ты хочешь разводить рыбок? – спросила белобрысая, после того как Митя благополучно выпустил второй раз наловленных дафний в банку и полез в бак за третьей. – У нас дома есть много маленьких гуппёшек, мы можем тебе дать.

– Продать, – поправила младшая.

– Да, продать, – согласилась старшая.

От неожиданной радости Митя выронил сачок и тот медленно пошёл ко дну. Ему удалось подпрыгнуть и схватить его за марлю.

– Продайте мне рыбок, пожалуйста.

– Мы покупали в зоомагазине, там дорого стоит, три рубля пара. Но тебе дешевле отдадим, за рубль пару.

– У меня нет рубля, – признался Митя, жутко огорчившись.

– А копейки у тебя есть?

– Копейки есть, только дома.

– Рыбки у нас тоже дома. В следующий раз привезём тебе парочку гуппий в банке сюда, а ты не забудь деньги, хорошо?

– Хорошо, – ответил Митя, улыбнувшись невероятной удаче.

Что ни говори, прекрасное место – сад! Дмитрий Данилыч обещал ему пару голубей, как только он выстроит гнездо, а эти девочки продадут пару рыбок.

– Аквариум у вас есть?

– Нет.

– Ничего, сначала пусть живут в трёхлитровой банке, потом купите аквариум.

Девчонки ушли, забрав сачок с банкой, кишачей дафниями, которых так любили кушать рыбки.

Дмитрий Данилыч продолжал почивать в гамаке. Чтобы ему лучше спалось, Митя слегка качнул гамак, потом прогнал неизвестно откуда взявшуюся крадущуюся кошку, явно имевшую пакостные мысли в отношении мирно сидящих на веранде голубей.

Грядки моркови были уже прополоты и политы, мама черпала из бочки воду лейкой: поливала лук, чеснок, редиску, огурцы и кустики помидоров, недавно высаженные в открытый грунт.

– Скоро должны воду дать, надо успеть всю эту разлить, чтобы потом набрать снова. Конечно, по жаре нехорошо поливать, вода с грядок сразу испаряется, а куда деваться? Как там Дмитрий Данилыч?

– Спит в гамаке. А голуби на нём сидят.

– Пусть отдохнёт. У него жизнь нелёгкая: старенький, помощи ждать неоткуда, детей нет, только внук остался, да и тот...

– У Данилыча есть внук? А почему его не приводят в сад? Мы бы с ним играли!

– Взрослый уже. Из тюрьмы недавно вышел. Данилыч жаловался, что внук-тюремщик перешёл в его квартиру жить, и теперь что ни день – пьянки-гулянки ежедневно устраивает,

деньги на водку требует, пенсию отбирает да ещё и бьёт старика. Ты только смотри не скажи Данилычу, он обидится, что я тебе рассказала.

Над садами поплыл звонкий долгий звук. Ещё и ещё.

Это на водокачке ударили в рельсу.

– Сейчас воду пустят, я буду бочки наполнять, а ты сбегай, разбуди Данилыча, у него, небось, тоже воды нет.

Когда начало темнеть, они засобирались на автобусную остановку. Мама надёргала на продажу целую охапку лука – острые зелёные пёрышки с маленькими белыми головками – и большущую кучу укропа. Укроп в саду повсюду растёт в изобилии, даже на дорожках, его проходило выпалывать, как сорняк.

Первый урожай клубники-виктории состоял из того, что уже съел Митя, и литровой баночки очень крупных сладчайших ягод необыкновенно приятного запаха и вкуса: «Поедим дома с молоком».

Домой они пришли уже поздним вечером, когда летнее солнце медленно перелазило через забор к соседям. Оставив вещи в сенцах, кинулись поливать огород.

В саду земля черная, а в огороде – песчаная, за день сильно раскаляется, разутой ступней в полдень не ступить, оттого и растения здесь требуют обильной поливки, иначе листья у них «свариваются», обвисают, словно тряпочки. За жаркий день ванна нагрелась, вода в ней чистейшая, прозрачная, эх, чудесно будет купаться!

Поливая огород, мама вычерпала бочку до дна, даже наклонила её на край ведра, приподняла снизу, и вся вода до последней капельки переливалась в ведро.

Значит, завтра с утра ей снова таскать воду на коромыслах с колонки. А хорошо бы прошел дождичек тёплый, без града, тогда можно будет вечером не поливать. Вообще, чтобы питаться подножным кормом, приходится очень много воды на коромысле таскать, или «ишачить», как говорила мама и тут же добавляла: «Спина трещит, зато ни от кого не зависишь».

Больше всего в жизни ей нравится ни от кого не зависеть, и судя по всему, она всю бы жизнь с удовольствием прожила на подножном корму, но даже Мите известно из её же рассказов, что вряд ли такое счастье возможно в их суровом сибирском климате с коротеньким летом и длинной-предлинной морозной зимой, которую он тем не менее почему-то очень ждал.

3. Когда поспела смородина

В июле поспела самая главная их садовая ягода – смородина, урожай которой оказался настолько большим, что мама только и делала, что собирала ягоду круглыми днями напролёт, пребывая в зарослях обширной смородиновой плантации, поэтому вечером ей приходилось тащить к автобусу или два больших эмалированных ведра, или даже ведро и двухведёрную корзину впридачу.

Иной раз выпадала удача: ягоду покупали прямо у ворот садоводства. Эти сообразительные люди приезжали сюда со своими пустыми вёдрами. Стоила ягода в этом случае гораздо дешевле, зато маме не надо было везти её в город на базар в переполненном автобусе да потом еще стоять на базаре.

Хотя и на базаре мама отдавала ягоду по более низкой цене, чем другие торговки. Когда те начинали ругаться, что мама им сбивает цену, она отвечала: «Некогда мне тут с вами долго стоять, в саду ягода с веток сыплется».

«Слава богу, – говорила мама всем знакомым без исключения, с которыми встречалась по пути, – что Дмитрий Данилыч присматривает за Митей, пока я вожусь с ягодой».

Сам Митя считал, что Данилыч тем и хорош, что даже не думает за ним присматривать, это просто не в его характере.

Когда старый садовод не отдыхал в своём гамаке, они или кормили голубей, или разговаривали про них, гуляя по зеленым тропинкам вдоль садовых участков. Другие садоводы выходили поздороваться, начинались длинные неспешные беседы о погоде, видах на урожай и о том, как надо ухаживать за стелющимися яблонями, чтобы те не выпревали зимой, не получали солнечные ожоги весной, и тому подобных страшно интересных вещах.

Весь день Митя не видел маму, даже когда она находилась совсем рядом, в густых зарослях смородины, куда очень трудно пробраться: сидела там под кустом на низенькой скамеечке и рвала ягоду. Мите не разрешалось заходить на плантацию, так как поспевшая ягода легко осыпалась с веток.

Когда он начинал сильно скучать, то кричал громко: «Мама, ты где?». Из моря зелени поднималась мамина рука. Нет, руки недостаточно. «Покажись!» Мама вставала со скамейки, делаясь видимой. Митя кивал и уходил, понимая, что на беседу у неё совершенно нет времени, ягода переспевает, она даже обеда на костре «с дымком» не готовит нынче. На примусе Данилыча та же похлебка с бараниной получается гораздо быстрее.

Как-то гуляя по узеньким аккуратным тропинкам сада Данилыча, где на каждом шагу имелись различные приспособления для облегчения жизни садовода, обильно цвели клумбы и вовсе отсутствовали грядки с овощами, Митя спросил:

– Дмитрий Данилыч, почему сад у тебя красивый, а ягоды на кустах мало?

– Потому что кусты состарились, их, по-хорошему, менять надо, только сил уже нет. Да и куда мне ту ягоду девать, если много наспеет? Съел пригоршню – и довольно. Варенье я не варю. Зато погляди, какие чудесные розы! Здесь совершенно новые сорта, зимой я их выписал почтой из Прибалтики.

Старик присел в тенёк на лавочку. Что-то говорит, а сам вдруг на половине слова начал закрывать глаза.

– Данилыч, не спи, – будит его Митя.

– А? Что? Ничего, ничего, на чём остановился? А да, ну конечно... – но тут же опять клюнул носом.

– Данилыч, тебе пора идти в гамак.

– Что? Да, да, ты прав, надо немного вздремнуть.

Осторожно укладывается, дёргает за верёвочку и смыкает веки. Гамак усыпляюще поскрипывает.

Вздохнув, Митя возвращается к своему домику.

В один из дней его разыскали те самые девочки, что ловили дафний в ржавом баке. Они нашли его специально, чтобы подарить банку с рыбками гуппи.

Митя не поверил собственным глазам. Настоящие очень красивые рыбки плавали в банке и были теперь его собственными! Совершенно бесплатно! Какая удивительная щедрость! Не девочки, а волшебные феи!

Младшая сразу принялась объяснять:

– Самочки – это которые толстые и бесцветные, те, что разноцветные, с пёстрыми хвостами – это самцы. У нас есть и другие рыбки, ещё красивее, но гуппёшек больше всего, они быстро плодятся, их просто девать некуда.

– Надо купить им в зоомагазине сухой корм и кормить раз в день, лучше в одно и то же время, сыпать чуть-чуть, чтобы все съедали, не то вода испортится, – назидательно пояснила старшая.

– Пошей из марли сачок и лови дафний, – подмигнула младшая.

Еще надо было срочно покупать аквариум, в банке рыбки долго не живут, насыпать на дно аквариума камешки, ракушки, посадить водоросли и ни в коем случае не ставить на окно – вода зацветёт и превратится в болото.

Митя пришёл в восторг от чудесной жизни, ожидавшей его впереди с аквариумом и рыбками, на лице прочно обосновалась благодарная улыбка. Мама хотела угостить сестёр клубникой, те отказались – «У нас самих полно», – зато пригласили его пойти играть. Старшую сестру звали Маша, младшую – Ира. Играли очень весело: в прятки, в мячик и просто бегали наперегонки по длинным садовым дорожкам.

В один из таких забегов с ним произошёл удивительный казус, связанный с потерей носка. Обут Митя в летние сандалии, еще коротенькие носочки светло-бежевого цвета, почти незаметные на загорелых ногах. Носки – это вам не чулки, которые вечно спадают, носки надел и позабыл о них.

Так вот, мчится он во всю прыть по мягкой зеленой травке в прекрасном настроении, уже здорово обогнав своих компаньонов, как вдруг замечает на траве, как раз посреди тропинки идеальный круг серого цвета – пепел от старого костра, который пришёлся ему под правую ногу. Наступив на пепел, чувствует, как нога мгновенно проваливается в невесомый пух по щиколотку, но уже несётся дальше, с непонятным ощущением.

Остановившись, разглядел ступню и очень удивился: носка – как не бывало! На левой ноге и сандалет есть, и носок имеется, а на правой сандалет есть, причём застёгнутый, а носка нет, исчез бесследно, лишь резинка на лодыжке осталась. Значит, хоть пепел сверху серый, внутри его притаился малиновый жар, и совершенно удивительно, что ноге даже ни капельки не больно, просто одно мгновение было горячо.

В небе появились самолёты, которые сбросили множество парашютистов с разноцветными куполами. Некоторых отнесло в сторону, один вообще завис над садами. Поняв, что парашютист приземлится где-то неподалёку, Митя завопил от радости и, совершенно забыв про носок, бросился к тому месту, куда должен упасть парашютист – встречать небесного гостя. Он поспел вовремя, но Маша с Ирой оказались там еще раньше.

Парашютист плавно опускался неподалёку от водокачки, прямо на чей-то сад, накрыв его сверху почти весь разноцветным куполом: и ранетки, и кусты смородины, и грядки, себя самого и даже хозяйку.

Если бы приземлился на общую дорогу, они бы, конечно, сразу подбежали к парашютисту, помогли выбраться из-под купола, но в чужие сады родителями строго-настроено

запрещено проходить, даже шага нельзя ступить по чужой земле, хотя никаких заборов нет, все свято блюдут эту заповедь – главный закон местной жизни.

Митя с Ирой и Машей остановились у кромки сада на общей дороге, откуда могли только наблюдать за развитием событий: как быстро для будущего лётчика начались неприятности.

Ладно бы, скажем, если хозяйка сада была молодая весёлая девушка. Или ещё лучше, чтобы вообще никого не было в саду на тот момент, хорошо бы также, если он упал немного пораньше, хоть на неделю-две, когда ягода не поспела, висела на ветках зелёная и не отваливалась от самого лёгкого прикосновения. А тут, как назло, всё-всё наоборот получилось.

До его падения бабушка – хозяйка сада сидела на стульчике в кустах смородины, брала ягоду, радуясь, что поспел наконец её главный подножный корм, и не обращала внимания, что с мирного голубого неба прямо на сады неудачно валится молодой курсантик: бац! – и накрыл бабулю куполом! Мало того, запнулся в кустах, не устоял на ногах, упал, и протащило его парашютом несколько метров по смородиновой плантации.

«Ах, что же это? Откуда ты взялся на мою голову? Чуть не убил, урожай весь угробил!»

Курсант глухо оправдывался из-под парашюта, что он здесь вовсе ни причём, его ветром от цели сдуло. «Я тебе сейчас такое покажу, что тебя навсегда отсюда сдует, чёрт окаянный! Вот пожалуюсь командирам, тогда узнаешь, как урожай мне гробить!»

Оба стояли недалеко друг от друга под огромной шёлковой простынёй, и, похоже, бабка от расстройства действительно была готова побить курсанта ведром прямо под парашютом. Видя такое дело, Маша, Ира с Митей не сговариваясь кинулись в чужой сад, ухватили край парашюта и совместными усилиями стащили полотнище с плантации на дорожку меж садовыми участками, где собрали в большую белую кучу. А курсант тоже выскочил из сада следом за ними, подхватил парашют в охапку и неуклюже побежал прочь. «Стой! Я милицию вызову!» – кричала бабушка ему вслед.

Соседи пытались её успокоить, говорили, что нужно же будущим лётчикам где-то тренироваться, а если не будут летать да с парашютом прыгать, как смогут потом воевать? Как Родину защитят? «А пусть тренируется на вашем участке! Пусть вашу смородину обивает, вы посмотрите, кусты голые стоят, вся ягода на земле!»

С земли ягоду брать нельзя, о том мичуринцам хорошо известно, она скоро портится. Соседи, покачав сочувственно головами, ушли на свои участки.

Бабка села на лавочку возле дома и расплакалась. Может, тоже собиралась с той ягоды уголь купить с дровами – зимой топиться, или шаль у неё старая – насквозь видно. Мало ли какие расходы у старух, живущих самостоятельно, на летнем подножном корму, экономя пенсию.

Маша с Ирой собрались идти за водой на водокачку. Чтобы вода текла из трубы, надо изо всех сил качать большой железный рычаг, и они пригласили с собой за компанию Митю. Подпрыгивая и повисая на рычаге, тот накачал воды, потом нёс ведёрко до их сада, за что Маша назвала его настоящим мужчиной, а Ира – кавалером.

Митя на кавалера рассердился, вернулся к своему домику, где его уже потеряла мама. Он ей рассказал про парашютиста, водокачку, огромный разноцветный купол, похожий на скатерть-самобранку, накрывший сад, и, в конце концов, когда она стала глядеть на него восхищёнными глазами, что он везде побывал, всё повидал и страшно много узнал за истекший час времени, покаянно предъявил резинку от носка, до сих пор сидящую на лодыжке.

Мама крайне удивилась, внимательно разглядывала резинку, сказала, что синтетика расплавилась бесследно, но Митю ругать не стала. Рада была, что нога не пострадала, а лишь бедный носок расплавился в секунду пребывания в раскаленной золе и тем кожу спас. Только, по обыкновению, удивилась: «И почему ты во всякие приключения всегда попада-

ешь? Вот с садом разделаюсь, устроюсь куда-нибудь в детский сад работать – и ты будешь сыт и присмотрен, и я рядом. Иначе ничего хорошего ждать не приходится».

Трудно понять, как ей удалось за день-два достать всё необходимое для рыбок. У каких-то знакомых был приобретен настоящий двухведёрный аквариум, самодельный, но очень хороший, и ракушки на дне скоро лежали, и водоросли они с мамой высадили. Кормил рыбок Митя самостоятельно. Через некоторое время они вздумали размножиться: их стало так много в аквариуме, что со счёту можно сбиться, договорились называть их «несчётным количеством».

Несмотря на все ухищрения, вода в аквариуме быстро зацветала зелёным цветом, приходилось то и дело менять её, что было очень непросто, а маме и так не хватало времени. Понимая это, Митя вызвался помогать, а через год замену воды производил практически самостоятельно. Этот сложный длительный процесс занимал у него весь день.

Однажды он выловил из аквариума сачком всех рыбок, пересадив их в большой таз, стоявший на полу. Аквариумным шлангом слил грязную воду, почистил дно, камешки и ракушки, отмыл стенки и так устал, что решил сходить погулять, пока чистая вода, принесённая матерью с утра, как следует отстоится – ведь из неё должен выйти весь газ хлор, которым обеззараживают водопроводную воду. Рыбки хлора не переносят, а человек пьёт – и ничего.

По возвращению через несколько часов в дом, Митя застал поистине ужасающую картину: таз стоял на своем месте, но все рыбки из него повыпрыгивали, веером валялись вокруг на полу. Некоторые были ещё живы, дёргали хвостами. Он скинул их обратно в таз, они еле-еле двигались, но потом одна за другой всплыли кверху брюшками на поверхность. Оставалось смотреть на происходящее выпученными, как у рыбок, глазами – удар был ужасающим, связанный с лишением живых существ жизни. Получилось, что Митя собственными руками погубил своих несчастных гуппи. Прощения за это нет и быть не могло, ибо нельзя вдохнуть жизнь в умершую рыбку.

Мама уговаривала его не переживать, предлагала снова взять у знакомых парочку гуппи, они, конечно же, расплодятся в таком замечательно чистом аквариуме – девать будет некуда, самим раздаривать придется. Но Митя, плача, отказался и от других рыбок, и от аквариума. Его рыбки умерли, у него нет права на других. И, главное, он не хочет снова зайти в комнату и увидеть, что там... все умерли.

Пришлось отдать чудесный подводный мир вместе с водорослями, галькой и ракушками, который ужасающим образом напоминал о несчастных серебристых тельцах, во множестве рассыпанных по полу вокруг таза.

Но это случилось позже, а пока Митя был настолько счастлив с рыбками, что мечта о голубях сама собой угасла. Он слишком маленький, чтобы держать голубей самостоятельно. И у него нет ни отца, ни старшего брата, которые бы помогли. Он даже свистеть, заложив пальцы в рот, не умеет. Правда, Данилыч уверял, что совершенно необязательно голубятнику свистеть, он, к примеру, не свистит, ибо на самом деле голуби свиста не любят. Что с того? Голубятни-то у него все равно нет, и вряд ли Митя сможет её сделать.

А потом Данилыч исчез.

Земля в его саду скоро сделалась сухой, как асфальт. На светло-серой поверхности еле заметны зелёные ниточки молодой травы. Обычно Данилыч рыхлил почву, чтобы она не пересыхала и не раскалывалась трещинами, лёгкой, узенькой, очень удобной тяпкой на длинной ручке. Нынче тяпка который день стоит, прислонённая к веранде, но ни гамака, ни голубей, ни Дмитрия Данилыча не видно.

Митя несколько раз наведлся к домику, заставая там только замок на дверях. Находиться без хозяев в чужом саду не полагалось, и он уходил опечаленный.

На его вопросы, куда девался Данилыч, мать отвечала довольно сухо, что уехал домой. Потом не сдержалась, рассказала Мите, что Дмитрия Данилыча побил внук, и он теперь лежит в больнице. Она была очень сердита на внука и почему-то даже на Митю.

Вечером рассказала ему свою сказку, не из книжек, а из деревни, которую ей самой прадед давным-давно рассказывал, когда мама была маленькая, как Митя.

Жили-были муж с женой и ребенком маленьким. Ещё жил с ними старенький дедушка, который работать уже не мог, только на лавке за печкой сидел-посиживал, чтобы никому не видно было, какой он старый да беззубый. Муж с женой и ребенком за столом обедали, а ему за печку корки хлебные кидали, что от обеда оставались.

Однажды как-то видят родители: сынок что-то из щепочек мастерит.

«Что ты там мастеришь, умница наша?» – спрашивают. – «Мисочку». – «Вот молодец! А для чего?» – «Вырасту я, женюсь, а вы состаритесь, останетесь без зубов, как дедушка. Посажу вас за печку, буду корки кидать, а вы в этой мисочке их размачивать станете и есть».

С той поры родители дедушку сажают за стол на почетное место, вместе стали жить, припеваючи.

– Понял, Митя?

– Понял.

Верно, внук очень сильно побил Дмитрия Данилыча, раз тот оказался в больнице. Вопрос «За что?» не возникал, в свои четыре года Мите прекрасно известно, что побить могут ни за что, в его собственной жизни тому имелся свежий пример.

Как-то мама носила воду с колонки в огород, а он стоял возле распахнутой калитки, карауля её от бродячих собак. В это время из соседского дома вышла компания весёлого празднично одетого народа. Они смеялись, громко прощаясь с дядей Геней и его женой.

Митя потихоньку приблизился к ним, чтобы разглядеть всех лучше. От компании отделился мальчик с длинной чёлкой, в вельветовой коричневой курточке, чёрных сатиновых шароварах, Митиною возраста и роста, и направился к нему навстречу. При виде таких замечательно весёлых гостей дяди Гены, а особенно мальчика, Митя приветливо всем разулыбался в надежде познакомиться, подружиться и, возможно, прямо сейчас поиграть в какую-нибудь игру, раз компания остановилась у ворот, уходить не торопится.

Мальчик быстро подошёл к Мите и вдруг ударил его с широкого размаха в нос, отпрыгнул и стал разглядывать, заложив руки за спину, будто Митя – некая зверушка.

В носу что-то хлюпнуло, брызнули слёзы.

– О, рёва-корова, – сказал дядя Гена задорным голосом, – а ну, не трусь, поддай ему тоже!

– Нет, – возмущённо закричал Митя, – не буду драться!

– Трусишка! – хихикнула жена дяди Гены. – Не бойся, поддай Витюхе, как следует и будете в расчёте.

Мальчик стоял на прежнем месте, смотрел с интересом, но играть с ним Мите уже совершенно не хотелось.

– Нельзя драться! Нельзя! – воскликнул он, оглашая на всю округу заповедь, внушаемую матерью чаще прочих.

Убежать было невозможно, тогда бы все подумали, что он трусил, и смеялись ещё больше, но и драться из-за ничего, чужой потехи ради, не желал. Поэтому закричал ещё громче:

– Нельзя драться!

На его рёв вышла из калитки мама с вёдрами.

В одну секунду оценив ситуацию, она, к величайшему Митиному удивлению, потребовала сердито, будто он в чём-то виноват:

– Дай ему сдачи!

– Нет! Не буду никого бить, нельзя драться!

– Ладно, ударь, – разрешил мальчик Витя.

Но Митя расплакался ещё больше от такой снисходительности, вызвав своим поведением окончательное всеобщее разочарование и насмешки взрослых.

Его увели умыться. Он переживал ужасное поражение, не мог успокоиться, долго нервно всхлипывал, однако где-то внутри ясней ясного понимал, что если бы согласился драться для развлечения веселых гостей дяди Гены, при любом исходе сражения потом ему было бы ещё хуже, чем сейчас.

– Ладно, будет расстраиваться, – утешала мама, вытирая ему лицо полотенцем, – до свадьбы заживёт. Драться нельзя, а сдачу давать нужно обязательно, чтобы неповадно было.

И она его не понимала, а объяснить свои чувства даже ей Митя не смог.

Выходит, некоторые люди могут подойти и ударить в лицо ни за что ни про что. Таких людей, по-видимому, немало как среди маленьких, так и среди взрослых. Одним из них был внук Дмитрия Данилыча.

Глядя на оставленную старым садоводом тяпку, Митя болезненно остро предчувствовал, что никогда больше не увидит своего тёзку и друга.

Но только спустя несколько лет мама однажды сообщила, что прежний сосед по саду Дмитрий Данилыч недавно умер. «Помнишь Данилыча?» Митя поразился, считая его давно умершим. «Он жил в доме престарелых, там и скончался».

Помнит ли он добрейшей души старичка, мирно спящего в гамаке на веранде, вокруг которого сидят белые голуби и даже не воркуют, оберегая его сон? Да это одно из самых чудесных, необыкновенных воспоминаний детства, а может, и всей жизни. Оказывается, всё это долгое время он жил в доме престарелых. Но почему они никогда не навестили Данилыча?

Митя уже успел осознать, что на самом деле люди очень призрачны и слабы, легко исчезают из его жизни, никогда впоследствии не объявляясь, и в отношении исчезнувшего Дмитрия Данилыча тоже полагал, что того давным-давно нет на белом свете. Какая ужасная, непоправимая случилась ошибка!

А Данилыч, оказывается, всё это время жил в неведомом доме престарелых без своего сада, голубей, домика с верандой, гамака. Для Мити они изначально существовали вместе: голуби, гамак, Данилыч. Исчезли тоже одновременно, как единое целое, – раз и навсегда.

4. Книжка про Пифа

Однажды мама объяснила Мите, почему Павловна, несмотря на почтенный возраст, грузность и неважное здоровье, предпочитает ходить в сад пешком через лес и непременно останавливается передохнуть у трёх сосен за мостом.

Дело в том, что когда-то, давным-давно, в гражданскую войну на этом самом месте она попрощалась со своим сыном, белым офицером. Попрощалась и никогда больше его не видела: белые отступили, красные заняли город навсегда. И ни письма, ни весточки за сорок лет не дождалась, возможно, что его давно убили, а может быть, на то она сильно надеется, ему удалось уехать за границу, куда-нибудь во Францию или Канаду, откуда писем в Советский Союз писать нельзя. «Только ты никому об этом не говори», – предупредила мама.

До этого дня Митя знал из всеобщих разговоров, игр в Чапаева, фильмов и радио, что все красные непременно хорошие, а белые плохие, белые офицеры – те просто ужасные преступники, как и все без исключения помещики, кулаки и капиталисты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.